

ОДИССЕЙ

2010
2011

Школа и образование
в Сопотской школе в Польше и России

Дети, мастера и традиции
в пригороде Нью-Йорка и в родном городе
художника

Анна — художница и ее творчество
«Сфинксы» — Ольга Бурилова

Сью Гейлорд и Нью-Йорк

ИЛЮСТРАЦИИ

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИНКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь),
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.П. ГЛУШКОВА,
кандидат исторических наук С.Г. ЯКОВЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989– .

2010/2011 : Школа и образование в Средние века и Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2012. – 000 с. – 15ВК 978-5-02-037561-1.

Альманах посвящен теме образования и религиозного воспитания в Европе от поздней античности до XX в. Разнообразные формы обучения и системы образования рассматриваются как один из важнейших инструментов формирования религиозной идентичности в европейском обществе. Рассматривается роль античной традиции в возникновении средневековой школьной системы в католическом и православном мире; исследуются проблемы национального и религиозно-конфессионального образования в странах Европы и Америки в Новое время. В разделе “Историк и изображения” публикуются статьи по средневековой иконографии. Другие разделы выпуска посвящены социальной истории, религиозной культуре средневековья и теории исторического знания. Большая часть материалов посвящена проблемам истории России, ее прошлому и актуальному настоящему.

Для историков, историков культуры, специалистов в области гуманитарного знания и более широкого круга читателей...

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037561-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Лучицкая С.И., составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012. Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” разработка, оформление), 1989 (год основания, 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 20102

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

О.В. Ауров

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕСТГОТОВ (VI–VII вв.).....

М.В. Рыбина

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХРИСТИАН МУСУЛЬМАНСКОЙ КОРДОВЫ (IX ВЕК) .....

О.Е. Кошелева

ОБУЧЕНИЕ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ .....

Л.А. Пименова

МАГИСТРАТЫ ПРОТИВ ИЕЗУИТОВ: СПОРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВО ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. ....

И.М. Супоницкая

ДЖОН ДЫОУ И “НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК” СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДВЕ УТОПИИ .....

Е.Ю. Рогачева

“НОВЫЕ ЛЮДИ ДЛЯ НОВОЙ ЭРЫ”: ВКЛАД ДЖОНА ДЫОУ В РЕАЛИЗАЦИЮ ИДЕАЛА “НОВОГО ЧЕЛОВЕКА”

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

А.Е. Махов

СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА И ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОЛИФОНИИ .....

Д.И. АНТОНОВ, М.Р. МАЙЗУЛЬС

ДЕМОНЫ, МОНСТРЫ И ГРЕШНИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.....

Ю.Ф. Игина

ИЗОБРАЖАЯ ВЕДЬМУ: ИКОНОГРАФИЯ ВЕДЬМ В АНГЛИЙСКОЙ ПАМФЛЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ .....

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

В.Н. Малов

КРАХ ГЕРОИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА: “СОФОНИСБА” ПЬЕРА КОРНЕЛЯ .....

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Отто Герхард Эксле

“ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ” – ЕЩЕ НЕ ПОНЯТАЯ ИСТОРИЯ.....

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

О.В. Хаванова

ОБРАЩЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСТВО КАК АРГУМЕНТ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Петер Динцельбахер

СУД ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СУД ВСЕМИРНЫЙ.....

Жан-Клод Шмитт

СНЫ ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО.....

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Л.В. Вольфцун

МИХАИЛ ЭММАНУИЛОВИЧ ШАЙТАН ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГ-
СКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1920-Х ГОДОВ.....

ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Л.Ф. Борусяк

“САМЫЕ ВЕЛИКИЕ...” .....

А.Г. Левинсон

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СТАЛИНЕ (ПО МАТЕ-
РИАЛАМ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА) .....

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

А.А. Панченко

КОММУНИСТЫ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И “НА-
РОДНАЯ РЕЛИГИЯ” .....

Д.М. Володихин

ЧТО ЛИКВИДИРОВАЛИ, КОГДА ОТМЕНИЛИ ОПРИЧНИНУ? .....

М.Ю. Зенченко

“...ХОТЯТ ТАТАРОВЕ ТАМГИ И ДЕСЯТИНЫ” (ПО ПОВОДУ СПОР-
НОСТИ БЕССПОРНЫХ МНЕНИЙ О “ТАТАРСКОМ НАСЛЕДИИ” НА
РУСИ) .....

ПУБЛИКАЦИИ

М.Ю. Неклюдова

**ИЗГНАННИК ИЗ XVII ВЕКА: ШАРЛЬ ДЕ СЕНТ-ЭВРЕМОН И ЕГО “БЕ-
СЕДА Г-НА МАРШАЛА Д’ОКЕНКУРА С ОТЦОМ КАНЕ”** .....

SUMMARIES

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АЛЛА ЛЬВОВНА ЯСТРЕБИЦКАЯ (1932–2010) .....

CONTENTS

SCHOOL AND EDUCATION IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIME.

O.V. Aurov

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: THE
MAKING OF THE CHURCH SCHOOL SYSTEM IN THE VISIGOTHIC
KINGDOM (6TH-7TH C.) .....

M.V. Rybina

RELIGIOUS EDUCATION AND THE SHAPING OF CONFESSIONAL
AND CULTURAL IDENTITY OF THE CHRISTIANS IN 9TH CENTURY
MUSLIM CORDOBA.....

O.Ye. Kosheleva

TRAINING WITHIN THE MEDIEVAL RUSSIAN ORTHODOX
TRADITION.....

L.A. Pimenova

MAGISTRATES VS. JESUITS: DISPUTES CONCERNING NATIONAL
AND RELIGIOUS/CONFESSIONAL EDUCATION IN THE MID-18TH
CENTURY FRANCE

I.M. Suponitskaya

JOHN DEWEY AND SOVIET RUSSIA'S 'NEW MAN': TWO UTOPIAS ....

E.Yu. Rogatchyova

'NEW PEOPLE FOR A NEW ERA': JOHN DEWEY'S CONTRIBUTION TO
THE IMPLEMENTATION OF THE 'NEW MAN' IDEAL.....

THE HISTORIAN AND IMAGES

A.Ye. Makhov

THE STRUCTURE OF MEDIEVAL IMAGES AND THE INVENTION OF
POLYPHONY.....

D.I. Antonov, M.R. Maizuls

DEMONS, MONSTERS AND SINNERS: NEGATIVE CHARACTERS IN
THE SPACE OF THE OLD RUSSIAN ICONOGRAPHY .....

Yu.F. Igina

DEPICTING A WITCH: THE ICONOGRAPHY OF WITCHES IN EARLY
MODERN ENGLISH PAMPHLETS .....

HISTORY AND LITERATURE

V.N. Malov

THE COME-DOWN OF HEROIC INDIVIDUALISM: PIERRE COR-
NEILLE'S SOPHONISBE.....

THE THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

'HISTORY OF CONCEPTS', A HISTORY YET TO BE CONCEIVED .....

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CONVERTING TO CATHOLICISM AS AN ARGUMENT IN THE LATE
18TH CENTURY HABSBERG MONARCHY .....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

Peter Dinzelbacher

THE FINAL JUDGMENT: PERSONAL AND GLOBAL .....

Jean-Claude Schmitt

GUIBERT OF NOGENT'S DREAMS .....

THE HISTORIAN AND HIS TIME

L.V. Volftsun

MIKHAIL EMMANUILOVICH SHAITAN. A CASE IN THE HISTORY OF
MEDIEVAL STUDIES IN ST. PETERSBURG IN THE 1920'S .....

HISTORICAL FIGURES AND MASS CONSCIOUSNESS

L.F. Borusyak

'THE GREATEST ONES' .....

A.G. Levinson

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION ON STALIN (BASED ON LEVADA-
CENTER SURVEYS) .....

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

A.A. Panchenko

COMMUNISTS AGAINST SUPERSTITIONS: THE SOVIET STATE AND
THE 'POPULAR RELIGION' .....

D.M. Volodikhin

WHAT WAS ELIMINATED AS THE OPRICHNINA WAS ABOLISHED? ....

M.Yu.I. Zenchenko

'... THE TARTARS DEMAND THE TAMGA AND THE TITHE': ON THE
DISPUTABILITY OF INDISPUTABLE OPINIONS CONCERNING THE
'TATAR LEGACY' IN THE OLD RUS .....

PUBLICATIONS

M.S. Neklyudova

EXILED FROM THE SEVENTEENTH CENTURY: CHARLES DE SAINT-ÉVREMOND AND HIS CONVERSATION DU MARÉCHAL D'HOCQUINCOURT AVEC LE PÈRE CANAYE.....

SUMMARIES

IN MEMORIAM

Alla L'vovna Yastrebitskaya (1932–2010) .....

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Отто Герхард Эксле

“ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ” – ЕЩЕ НЕ ПОНЯТАЯ ИСТОРИЯ*

I

Недавно в многосложные дебаты философов и историков об “истории понятий”, “истории идей”, “методически обновленной истории идей”, “истории проблем”, “истории дискурсов”, о “кембриджской школе”, “истории метафор”¹ включился романист Ханс Ульрих Гумбрехт – с громким заявлением о “внезапном обезжизнивании”, даже о “конце” “движения истории понятий”². Этот тезис Гумбрехта вызывает недоумение, поскольку даже относительно “начала” истории понятий (*Begriffsgeschichte*) до сих пор нет никакой ясности. Этот пробел и его причины можно объяснить с точки зрения истории науки.

По мнению, распространенному сегодня среди философов, занимающихся историей понятий, она возникла из инициативы Иоахима Риттера (1903–1974), который выпустил в 1971 г. первый том исторического словаря философии “*Historisches Wörterbuch der Philosophie*”, где в предисловии разъяснил идею проекта. Он получил импульс к развитию, как пишет И. Риттер, из противоречия между “теорией науки, по существу позитивистской и связанной с математической логикой”, с одной стороны, и «философией, осмысляющей себя исторически, с ее критическим сознанием, которое “выставляет на суд исторической традиции привычки языка и мышления” – с другой. Кроме того, И. Риттер ссылался на имена Ханса-Георга Гадамера, Рудольфа Эйкена и Эриха Ротхакера³. Этой же версии придерживались и собравшиеся 31 августа 2007 г. в Немецком литературном архиве Марбаха эксперты, которые на заседании, посвященном подведению итогов проекта, приняли решение о завершении “Словаря” (13-м томом).

---

* Публикуется с любезного разрешения автора. Оригинал статьи см.: *Oexle O.G. “Begriffsgeschichte” – eine noch nicht begriffene Geschichte // Philosophisches Jahrbuch. 2009. Ht. 2. S. 381–400.*

“Исторический словарь философии” – один из самых крупных в истории науки в Федеративной Республике Германии проектов справочной литературы. Его дополняет “Исторический словарь социально-политического языка в Германии” (“Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland”) в семи томах под общим заглавием “Geschichtliche Grundbegriffe” (“Основные исторические понятия”), издававшийся с 1972 по 1992 г. тремя историками – Отто Бруннером (1898–1982), Вернером Конце (1910–1986) и Райнхартом Козеллеком (1923–2006).

По мнению, распространенному среди историков, история понятий в существенных чертах восходит к медиевисту Отто Бруннеру⁴. Именно он, как принято считать, в 1930-е годы разработал ее основные элементы – сначала в своем докладе на XIX конгрессе немецких историков в Эрфурте в 1937 г., а затем в главном своем труде “Земля и господство” (“Land und Herrschaft”, 1939).

Действительно, в 1937 г. Бруннер выдвинул требование новой исторической науки: “Перед лицом новой действительности, – писал он, – понятия времени, претендовавшего на то, чтобы сопоставлять со свойственными ему фундаментальными категориями любую историческую действительность, исчезают на наших глазах. <...> То, о чем речь идет сегодня, – это ревизия (Revision) основных понятий. Состояние, когда понятия, порожденные мертвой действительностью, все еще определяют основные масштабы и вопросы применительно к эпохе, чье внутренне устройство было абсолютно иного рода, – невыносимо. Чрезмерно радикальным это требование быть не может”⁵.

Динамизм этому требованию Бруннера придавала убежденность, что главное здесь – преодолеть “внутреннюю расщепленность мира Нового времени”³. Так он писал еще и в 5-м издании “Земли и господства” 1965 г.⁷ Под “мертвой действительностью” и “внутренней расщепленностью” подразумевался плюрализм эпохи Современности (Moderne), а значит, либерализация, демократия и республика. Сюда же относилось и специфическое для современной эпохи различие “государства” и “общества”, например, или “государства” и “экономики”, как пояснял Бруннер в 1937 г.

Но и в 1965 г. Бруннер по-прежнему сетовал на “расщепленность мира Нового времени”, проявляющуюся в “напряженности” между “отдельным человеком и объединением, между бытием и должествованием, между природой и духом, правом и властью”⁸. В 1939 г., в своей работе о современном понятии государственно-

го устройства и истории средневековых учреждений (“*Moderner Verfassungsbegriff und mittelalterliche Verfassungsgeschichte*”)⁹, он выражался гораздо более определенно – со ссылкой на “учение о государственном устройстве” (“*Verfassungslehre*”) правоведа-государственника Карла Шмитта¹⁰. За время, прошедшее после выхода в свет работы Шмитта “*Verfassungslehre*” (1928), писал Бруннер, произошел “глубокий политический поворот”, поскольку “в национал-социализме наивысшим принципом политического мышления является уже не государство, а народ. <...> Народ здесь <...> – действительность, кровная и расовая, которая живет в конкретной национальной общности (*Volksgemeinschaft*)¹¹ и ощущает это [свое] единство в переживании национальной общности. Благодаря своему государству народ превращается в правоспособное и дееспособное единство; партия является носителем его политической воли, вермахт – это вооруженный народ. Тем самым разделение государства и общества упраздняется. Народ, в частности национальная общность и вожди (*Volksgemeinschaft und Führung*), являются центральными понятиями государственного устройства”¹².

“Различения” (“*Unterscheidungen*”) и “разделения” (“*Trennungen*”), на которые сетовал Бруннер, уже с начала XX столетия и особенно после ставшего переломным 1918 г. все больше противопоставлялись таким понятиям, как “народ”, “общность”, “целостность”, “порядок”, превратившимся в лейтмотивы. Это одна из центральных проблем в истории Германии XX столетия. Ее истоки и контекст изложил историк права Оливер Лепсиус в своей книге о “снимающем противоречия” образовании понятий (“*Die gegensatzaufhebende Begriffsbildung*”, 1994)¹³. Он показал, почему, с одной стороны, подобные понятия в Германии и именно после 1918 г. могли оказывать такое воздействие и как, с другой стороны, в 1933 г. стало возможным использовать так называемый захват власти национал-социалистами для воплощения в жизнь определенных [научных] позиций, представленных уже задолго до того, и тем самым этот “захват власти” научно легитимировать.

После 1945 г. все это надо было как-то оправдать. Райнхарт Козеллек в 1986 г. попытался сделать это в отношении Отто Бруннера и его истории понятий. Для него книга Бруннера “*Земля и господство*” стала “хорошим примером” того, что “также и политически обусловленные интересы в познании могут привести к теоретически и методологически новым взглядам, которые пе-

реживут во времени породившую их ситуацию”¹⁴. Здесь имелось в виду, что новый подход, сформулированный под знаком национал-социализма, и после его конца способен сохранять свою релевантность, более того, свою истинную релевантность он только тогда и сможет раскрыть в полной мере.

II

То, что этот тезис Козеллека несколько слабоват, в 1997 г. показал израильский медиевист Гади Альгази в своем эссе под заглавием “Отто Бруннер – “конкретный порядок” и язык времени” (“Otto Brunner – “Konkrete Ordnung” und Sprache der Zeit”)¹⁵. Альгази обратился к исследованию того, «как протекает подобный процесс превращения “политически обусловленных интересов в познании” в “теоретически и методологически новое понимание предмета”» и как затем в последующем процессе рецепции “научно-исторический труд способен избавляться от следов исторического контекста своего возникновения”¹⁶. Альгази показал, в частности, что австриец Бруннер уже в своем эрфуртском докладе 1937 г. и в монографии, появившейся два года спустя, совершенно открыто ориентировался на новый образ мышления национал-социалистического правоведения, причем особенно вдохновляла Бруннера вышедшая в 1934 г. работа уже упоминавшегося здесь Карла Шмитта “Национал-социалистическое правовое мышление” (“Nationalsozialistisches Rechtsdenken”)¹⁷.

Этот вывод подтверждается в двух отношениях. Во-первых, Бруннер перенимает у Шмитта понятие “мышление [в категориях] конкретного порядка” (“konkretes Ordnungsdenken”)¹⁸, которое потенциально могло послужить тому, чтобы уничтожить индивида как субъекта права¹⁹ и вместо этого внушить ориентированную на так называемые конкретные порядки нормативность действий, “без того, чтобы их нужно было подчинять четко заданным правовым нормам”²⁰. Иными словами, мышление в категориях предзаданных “конкретных порядков” позволяло выделять, а затем устранять определенных индивидов как изначально не относящихся к “конкретному порядку”. Именно эту юридическую смысловую фигуру – “мышление [в категориях] конкретного порядка” – Бруннер перенес на Средневековье, предлагая “описывать исторические [социальные] образования Средневековья как конкретные порядки”²¹.

Во-вторых, – и таков был контекст тогдашней истории понятий – у обоих авторов, как у Карла Шмитта, так и у Отто Брун-

нера, смысловая фигура “мышления [в категориях] конкретного порядка” и соотносимые с нею действия обосновываются исторически – требованием отказа от так называемого разделяющего мышления (*Trennungsdenken*)²² XIX столетия, о котором было сказано выше. В конце своей книги в редакции 1939 г. Отто Бруннер обобщил это обоснование следующим образом: его задача, писал он, состояла в том, чтобы “разрушить полную противоречий и неисторичную терминологию XIX в. и разработать основы языка понятий, соответствующего *реалиям* и, насколько это возможно, *источникам* (*sach- und quellengemäßen Begriffssprache*)²³. Также и в этом Бруннер непосредственно опирался на авторитет Карла Шмитта, который уже в 1934 г. утверждал, что национал-социалистическое движение “преодолело многовековые, стоящие на службе определенных политических тенденций расщепленность и разрыв”, т.е. “окончательно преодолело целую систему антитез (...) бесконечную литанию дуалистических разрывов жизненно и сущностно связанных между собою вещей²⁴. А потому – нужна “ревизия основных понятий” или еще раз словами Карла Шмитта, сказанными в 1934 г.: речь шла об “обновлении” посредством изменения понятий²⁵. То же самое стало и программой Бруннера в 1937 г. для новой исторической науки.

III

Мне, как и Гади Альгази, тезис Козеллека, будто сегодняшняя история понятий сформировалась после того, как освободилась от порочащей ее так называемой обусловленности временем (*Zeitgebundenheit*) 1933–1945 гг., тоже представляется малоубедительным. Но для этого есть еще и другие основания. Изложу их в трех пунктах.

(1) Во-первых, следует признать, что “ревизия основных понятий” как методологический постулат и у Шмитта, и у Бруннера применялась избирательно, исключительно в смысле превращения определенных понятий в инструмент национал-социалистической идеологии. Получалось, что таким образом эта “ревизия” – в развитой Карлом Шмиттом юридически-систематической или в развитой Отто Брунером исторической форме – была приостановлена уже в самый момент своего зарождения. Иными словами, “ревизия основных понятий”, хотя и обосновывалась исторически – необходимостью историзации, которая приведет к преодолению “разделяющего мышления”, – в то же время сама какой-либо историзации лишалась.

(2) Во-вторых, нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что в Европе история понятий в определенной степени стояла на повестке дня уже около 1930 г. Так, в 1928 г. на международном конгрессе историков в Осло французский медиевист Марк Блок в своем знаменитом докладе “К сравнительной истории европейских обществ” (“Pour une histoire comparée des sociétés européennes”) выдвинул требование сравнительного анализа принципов интерпретации и систем понятий в исторической науке разных европейских стран²⁶. Однако очень долгое время об этом никто не вспоминал²⁷. И еще раньше, уже в 1912 г., социолог Эмиль Дюркгейм в своей книге “Элементарные формы религиозной жизни”²⁸ дал подробное разъяснение исторического становления социологических понятий.

(3) В-третьих, следует напомнить, что само требование “ре-визии основных понятий” восходит отнюдь не к Карлу Шмитту, а к одному из его оппонентов. Уже в 1927 г. Карл Маннгейм, основатель социологии знания на базе кантовского критицизма, в своей работе “Консервативное мышление” (“Das konservative Denken”) потребовал “ре-визии всех тех основных понятий и категорий {...} в которых мы сегодня интерпретируем и исследуем историческую жизнь”²⁹. Такая “ре-визия”, по его словам, в то же время должна была включать в себя осмысление предмета познания (Selbstthematizierung) и эпистемологической перспективы его рассмотрения (Selbstperspektivierung), а следовательно, самоисторизацию (Selbsthistorisierung). Это была контрпрограмма Карла Маннгейма в ответ на книгу Карла Шмитта 1919 г. “Политическая романтика” (“Politische Romantik”). Как недавно резюмировал историк Райнхард Лаубе, Маннгейм выступил с нею против “в высокой степени политизированной интерпретационной схемы Шмитта, которая, во-первых, служила закамуфлированным призывом к сведению счетов с гражданским обществом и его представителями” и, во-вторых, хотя и вносила “вклад в самописание современного общества в форме талантливо преподнесенной интерпретации эпохи (Epochenrezeption), однако именно как антилиберальная, антипарламентаристская и антигражданская установка под маской исторической”³⁰. Для Маннгейма, наряду с критикой Шмитта, речь шла еще и о “непрерывном расширении его собственных теоретических построений, несущих на себе отпечаток кантианства”³¹, которые обрели ясные очертания уже в опубликованном им ранее анализе трудов философа Эрнста Кассирера, тоже ориентировавшегося на кантианство³².

Если мы признаем все это, то переместимся в исследовательское поле истории проблем Современности – в сферу интернационально ориентированной, включающей многие науки и предполагающей сравнительное рассмотрение истории проблем (Problemgeschichte)³³. Сейчас, таким образом, речь идет уже не просто об “истории понятий”, а о такой истории понятий, которая является элементом диахронически обширной и интернациональной истории основополагающей исторической проблемы современной эпохи – в каких понятиях описывать прошлое?

Подобное изменение формулировки темы можно было бы пояснить на еще одном примере, а именно на контрасте между Марком Блоком и Отто Бруннером. В другом месте мне уже приходилось писать³⁴, насколько “Земля и господство” (“Land und Herrschaft”) Отто Бруннера 1939 г. и “Феодальное общество” (“La société féodale”) Марка Блока 1939/40 г. близки друг другу с точки зрения проблематики, – разумеется, только в том, что касается *способа постановки вопроса*. В *ответах* они друг другу диаметрально противостоят³⁵, поскольку ориентированный “народно” (völkisch) национал-социалист Отто Бруннер дает на те же самые вопросы совершенно другие ответы, нежели республиканец и демократ Марк Блок.

Соответственно различным получилось и то, как вводится и позиционируется у них история понятий. В противоположность половинчатой, а именно идеологически застывшей, истории понятий Бруннера 1937 г., Блок в 1928 г. выступал за всеобъемлющую сравнительную историю понятий в европейских исторических науках, в известной мере без границ и всякого рода предписаний. Марк Блок, впрочем, следовал ориентирам, заданным Иммануилом Кантом, как показывает центральная для Блока метафора историка как судебного следователя (“juge d’instruction”)²², что непосредственно указывает на “Критику чистого разума” (Предисловие во 2-му изданию 1787 г.) и на использованную там Кантом метафору ученого как судебного следователя (Untersuchungsrichter)³⁷.

IV

Таким образом, история понятий появилась в Германии отнюдь не после 1945 г. и не вместе с так называемым захватом власти национал-социалистами и инициированной тогда “ревизией основных понятий” в духе Карла Шмитта, и не с Отто Бруннером в конце 1930-х годов. История понятий и требование “ревизии ос-

новых понятий” после 1933 г. основывались на приспособлении старых подходов и концепций, которые получили новое истолкование в смысле национал-социализма. При этом выдвинутое Карлом Маннгеймом в 1927 г. требование саморефлексии и самоисторизации было проигнорировано. Инициаторам “ревизии” 1934 и 1937/39 гг. оно, несомненно, представлялось излишним.

Чтобы лучше понять все это, расширим контекст рассматриваемой проблемы. Прежде всего следует вовлечь в поле зрения ту “борьбу парадигм”, которая, как указывалось выше, в большой степени определяла духовные и интеллектуальные процессы в сфере гуманитарных наук или наук о культуре, причем не только в философии, – а именно антагонизм между Кантом и Ницше, т.е. между кантианцами и ницшеанцами³⁸. Представленная Карлом Шмиттом в его статье “Национал-социалистическое правовое мышление” (и перенятая Бруннером) концепция “ревизии основных понятий” ориентировалась на Ницше. Ведь ее целью было обретение новых, современных понятий, обладающих абсолютной действенностью³⁹, которые в то же время направлялись против Современности. Речь шла о том, чтобы учредить другую Современность – антисовременную Современность (*anti-moderne Moderne*)⁴⁰. Как показал Стивен Ашхайд в своей книге “Ницше и немцы” (1996), уже задолго до так называемого захвата власти Ницше был “интегрирован” в дискурс национал-социалистов и тех, кто им симпатизировал⁴¹. Сразу же после Первой мировой войны “радикальные правые” взяли на вооружение его наследие: “,философская’ мобилизация Ницше предшествовала захвату власти”⁴².

Противоположную позицию наиболее последовательно представлял тогда, в 1920-е и в начале 1930-х годов, Эрнст Кассирер, кантианец, причем убежденный демократ и республиканец⁴³. Но еще до 1918 г., с самого начала своей деятельности в первое десятилетие XX столетия, Кассирер обратился к проблеме понятий и их историчности.

В масштабной “борьбе парадигм” между ницшеанцами и кантианцами речь, таким образом, шла не только о понятиях, речь шла об эпохе Современности (*Moderne*) в целом. А значит – о том, должны ли историчность, множественность и вместе с тем ограниченность всякого познания как непреложное его условие определять рефлексию о культуре и истории. Это была ориентированная на Канта позиция⁴⁴. Или путем утверждения новых – окончательных, абсолютных – ценностей будет создана и сделана

обязательной новая, а именно антисовременная, Современность? Это было направление, ссылающееся на Ницше⁴⁵.

Эта “борьба парадигм” подробно будет освещена в трех последующих разделах: сначала в аспекте сравнения взглядов Эрнста Кассирера и Мартина Хайдеггера (раздел V), затем в аспекте исторической науки о культуре начала XX столетия на примере Кассирера и его вдохновленных ницшеанством противников (раздел VI); поскольку к этому противостоянию имел отношение и Макс Вебер, в заключение следует учесть и его размышления о понятиях, их историческом становлении и постоянном изменении (раздел VII).

V

Сначала сопоставим позиции Кассирера и Хайдеггера.

Развитый Карлом Шмиттом и Отто Бруннером после 1933 г. немецкий вариант истории понятий следует не Канту, а Ницше. Это можно наглядно пояснить на примере работы Мартина Хайдеггера “Бытие и Время” (“*Sein und Zeit*”, 1927)⁴⁶. Хайдеггер обращается здесь – с непосредственной, открыто заявленной ссылкой на статью Ницше “О пользе и вреде истории для жизни” (“*Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben*”, 1874)⁴⁷ – к проблеме историчности всего, что существует. Эту всеобъемлющую историчность (*Historizität*), то есть то, что несколько позже было названо “историзмом” (*Historismus*)⁴⁸, вместе с его якобы неизбежным роковым следствием, так называемым релятивизмом, Ницше назвал “болезнью” современного человека и рекомендовал ряд средств против нее. Это, к примеру, те формы истории (*Historie*), которые больше не являются “наукой”, а служат в большей мере “жизни”: прежде всего “история монументальная”, которая способна указать человеку в прошлом “образцы, учителей, утешителей”.

Ницше “понимал больше, чем давал знать”, говорит об этом Хайдеггер в 1927 г. и хочет поднять завесу над тем, что осталось у Ницше невысказанным, доказывая “экзистенциальное происхождение истории [как науки] (*Historie*) из историчности [человеческого] здесь-бытия (*Geschichtlichkeit des Daseins*)”⁴⁹. Речь у Хайдеггера идет не об “историчности” в смысле “*Historizität*”, а об “историчности” как “*Geschichtlichkeit*”, причем именно так, что историчность (*Historizität*) всего того, что существует, утрачивает свою значимость в “экзистенциале” историчности, понимаемой как *Geschichtlichkeit* (“*Existenzial der Geschichtlichkeit*”).

История (Historie), полагает Хайдеггер, имеет “предпосылкой историчность здесь-бытия (Geschichtlichkeit des Daseins)”; история (Historie) изначально вытекает из “фактического, экзистенциального *выбора* историчности здесь-бытия”, пишет он далее, и в нем она “единственно *есть*” (einzig ist). За счет этого экзистенциальная “историчность” здесь-бытия в хайдеггеровском смысле является гарантированным от угрозы какой-либо историзации (Historisierung) спасением от историчности (Historizität). “Историчность” (Geschichtlichkeit) у Хайдеггера – это, следовательно, полная противоположность историчности в смысле Historizität и потому она является решением всех “проблем историзма”, поскольку означает их уничтожение⁵⁰.

Это можно конкретнее пояснить на примере высказываний Хайдеггера в 1933 и в последующие годы⁵¹. Так, в 1936 г. в связи со своим докладом в Риме он разъяснял бывшему ученику Карлу Лёвиту, находившемуся там в эмиграции, что привела его к национал-социализму и по-прежнему заставляет быть убежденным национал-социалистом именно “историчность” (Geschichtlichkeit)⁵². В 1927 г. в “Бытии и Времени” Хайдеггер говорит об осуществлении “здесь-бытия” (Dasein) в “решительном освоении избранной возможности” (entschlossene Erschließen einer gewählten Möglichkeit)⁵³. А что затем, в 1933 г., стало для Хайдеггера “решительным освоением избранной возможности”, мы знаем: это была “решимость [ориентироваться] на народ” (“Entschlossenheit zum Volk”) с его “связанными с землей и кровью силами”, как постоянно заявлял Хайдеггер в своих речах и докладах 1933/34 гг.⁵⁴. Так же, как и Отто Бруннер в 1937–1939 гг., как мы уже знаем. Это были те “новые ценности” антисовременной Современности в духе Ницше, которые в данном случае были наполнены совершенно специфическим политическим содержанием – причем, разумеется, делать ответственным за это содержание нужно отнюдь не Ницше. В свете утверждения этих ценностей, в то время объявленных абсолютными, проблема историзма вместе с историей проблем выступала как проблема “решенная”, и не только у Хайдеггера⁵⁵. Более того, все это не оставалось на уровне чисто теоретическом. Сошлюсь на циничную полемику ницшеанца Карла Шмитта против кантианца Карла Маннгейма и его “разлагающей” рефлексии о проблеме историзма в 1933 г.⁵⁶ Ее следствием стало лишение Маннгейма кафедры и удаление в изгнание. Подобного же рода была в 1933 г. полемика Хайдеггера против мюнхенского философа Рихарда Хёнигсвальда, ведущего представителя ори-

ентированной на Канта философии, по поводу “разлагающего” мышления и “обмана и дезориентации молодежи”. Также и в этом случае следствием стало изгнание с кафедры, а позднее и отправка Хёнигсвальда в концентрационный лагерь Дахау⁵⁷.

Позицию, противоположную занимаемой Хайдеггером (в смысле противопоставления Ницше и Канта), представлял кантианец Эрнст Кассирер. Наиболее ярко она отразилась в знаменитой дискуссии с Хайдеггером в Давосе, в 1929 г. Это было событие, исполненное чрезвычайного интеллектуального драматизма, в котором обозначилось также и политическое измерение – конфронтация между противником Веймарской республики и убежденным республиканцем, сторонником парламентаризма – и которое переживалось участниками как выражение радикальной смены поколений в философии⁵⁸. Среди его участников был также и Иоахим Риттер, тогда – ассистент Кассирера⁵⁹. Массимо Феррари удачно обозначил давосский диспут как “конфликт двух несовместимых миров”⁶⁰: здесь – и снова в ракурсе истории проблем – из одного “общего центра” исходили два диаметрально противоположных направления⁶¹. Этим центром был вопрос об истине как таковой. Но в то время как у Хайдеггера вопрос об истине возводится к лишенному всякой истории (Historie) “экзистенциалу” человеческого здесь-бытия (“Existenzial” des Daseins), у Кассирера, как у кантианца, уже в его первых трудах начала XX столетия этот вопрос вылился в форму рефлексии об историческом развитии познания “действительности”⁶². В этом же ключе он размышлял и о результативности, границах и историчности (Historizität) понятий. Данная тема развивается Кассирером в созданной в эмиграции работе “Цели и пути познания действительности” (“Ziele und Wege der Wirklichkeitserkenntnis”, 1936/37)⁶³ и даже уже в его более раннем труде 1910 г. “Понятие субстанции и понятие функции” (“Substanzbegriff und Funktionsbegriff”)⁶⁴.

VI

Уже тогда, в первое десятилетие XX в., Кассирер намеревался исследовать образование понятий в отдельных дисциплинах точных наук и так выявить их философские основания. При этом он старался опираться на “историческое развитие самих наук и на систематическое изложение их содержания великими исследователями”. “Обнаружить, что такое понятие по своей единой функции (einheitliche Leistung) и что оно означает, можно, лишь если проследить эту функцию во всех сферах важнейших науч-

ных проблем и изложить ее в общих чертах”. С этого момента, пишет далее Кассирер, “задача расширяется и обретает новую форму”, переходя к вопросу о “познании действительности”, т.е. к вопросу “об отношении между мышлением и бытием, познанием и действительностью”⁶⁵. Для Кассирера понятие – это не что-то “производное” (“Abgeleitetes”), а нечто “предваряющее” (“Vorweggenommenes”): “ведь признавая за разнообразием порядок и связь его элементов, мы его (понятие. – Ю.А.) уже предполагаем, даже если не в его готовой форме, так все же в его основополагающей функции”⁶⁶.

Объяснение понятий имеет дело с пониманием отношений и подчинений, с “соотносимостью” (“Relationalität”). Это распространяется, как он пишет, даже на понятия из сферы естественных наук, и тем самым мы подходим к тому, что образует “собственно ядро понятия действительности”⁶⁷. Это распространяется даже на “логический фундамент” научного эксперимента, который и является “подлинным свидетелем эмпирической действительности”, поскольку “научный эксперимент никогда не представляет собой простого сообщения о данных здесь и сейчас фактах восприятия, а обретает свою ценность только в силу того, что подвергает оценке под определенным углом зрения отдельные данные и тем самым придает им значение, которым они в простом чувственном восприятии как таковом не обладают”⁶⁸.

Именно эта позиция представлена у Кассирера уже в первом томе его труда “Проблема познания в философии и науке Нового времени” (“Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit”, 1906)⁶⁹. “Во всем оформленном в понятия знании (begrifflichen Wissen)” мы, как он полагает, имеем дело “не с простым воспроизведением, а с приданием формы и внутренним преобразованием материала {...} который поступает нам извне”. Но даже если “наивному восприятию” познание представляется как процесс, в котором мы, воспроизводя, осознаем независимо существующую (an sich vorhandene), упорядоченную и расчлененную действительность”, то и тогда деятельность ума ни в коем случае не является простым “актом воспроизведения”. Задача стоит совсем иная: “она состоит не в воспроизводящем описании, а в *отборе* и *критическом членении*, которые можно производить над разнообразием воспринимаемых вещей”. Также и в понятиях науки не дано “ничего окончательного, неоспоримого и несомненного”. По мнению Кассирера, речь идет в большей степени о “мыслительных творениях” (“gedankliche

Schöpfungen"). И в силу этого "научные понятия сегодня выступают уже не как воспроизведения [независимо] существующих вещей (dinglicher Existenzen), а как символы для порядков и функциональных связей внутри действительного".

Противоположная этому позиция в духе Ницше тогда, в начале столетия, была представлена еще не Хайдеггером, а сторонниками Штефана Георге, которые все были ницшеанцами. Для них Ницше был гигантом эпохи, и что у Ницше было только мыслью, у Георге становилось делом⁷⁰. Соответствующим образом высказывался также и Фридрих Гундольф в своем эссе "Сущность и отношение" ("Wesen und Beziehung"), репрезентативном для самосознания георгеанцев, которое он опубликовал в 1911 г. во втором выпуске издаваемого им совместно с Фридрихом Вольтерсом "Ежегодника духовного движения" ("Jahrbuch für die geistige Bewegung")⁷¹.

"Относительность" ("Relationismus") познания, на которой настаивали кантианцы, Гундольф принципиально клеймит здесь как "релятивизм" ("Relativismus"). Его эссе является памфлетом, обличающим "атомизм" и "историзм" Современности, а саму Современность он видит как "крошашуюся", "распадающуюся под действием центробежных сил" и задается вопросом о том, "достаточно ли еще у современного человека центральных сил, чтобы удержать разбегающиеся органы, возможно ли новое воплощение (Leibwerdung)"⁷². И тем не менее, как он пишет, "до сих пор еще не везде удалось превратить сущность в отношение", все еще имеются «субстанциональные "атавизмы" религиозного чувства, патриотизма, почитания героев, искусства, сколь бы усердно ни трудились повсеместно над их ликвидацией». Даже если разрушительные элементы "современного" ("Modernität") достигли уже многочисленных успехов, если все, что «прежде считалось окончательно решенным, сегодня – уже "проблемы", если вера стала мнениями, воля – программами, образы – впечатлениями, нужда – требованиями, народ – массами, слои – классами, дети – несовершеннолетними, церкви – культовыми учреждениями, короче говоря, если все организмы душевного мира стали отрегулированными или проблематичными механизмами, то сейчас дает о себе знать растущее сопротивление». А именно, пишет далее Гундольф, сейчас встает первоочередной вопрос: "существует ли вообще еще опирающийся сам на себя, порождающий, нерушимый центр жизни? Есть ли [еще] живое существо (Leib), или, говоря языком теологии, Бог, или, языком филосо-

фии, – *ens realissimum*, – словом, субстанция, или нет?”. И ответ на этот вопрос является “делом не демонстрации, а [чувственного] переживания”⁷³. Если на вопрос будет дан положительный ответ, полагает Гундольф, то “новое обложение плотью (*Neubeleibung*), соединение рассеянных сил – возможно, и всякая борьба во имя этого – свята и предопределена к победе. Если ответ будет отрицательным, то полное обездушивание человечества, американизация, превращение Земли в муравейник, победа последних людей из Заратустры, которые изобрели счастье⁷⁴, станет лишь вопросом времени”. Борьба, утверждает он, идет между теми, кто говорит “да”, и теми, кто говорит “нет”. “Релятивизм” является “нынешней формой атеизма, подлинным обезбоживанием”. Этому Гундольф противопоставляет “центральное живое” (“*Zentrallebendige*”) – Гомера, Христа, Цезаря, Шекспира – а значит, требование “монументального историописания” в духе Фридриха Ницше, в котором тот видел существенный момент сопротивления разрушительным силам Современности и ее историзма⁷⁵. История (*Historie*) как наука должна быть преобразована в “искусство” (“*Kunstgebilde*”) – требование, которое несколько позже выскажет также и известный историк Средних веков Эрнст Канторович, автор знаменитой книги “Император Фридрих II” (1927) и программы замены интернационального и потому беспринципного исторического исследования историописанием, которое “служит искусству” и “посвящено вере”, а именно “вере в то, что пробыет час немцев, вере в гений нации” (1930)⁷⁶.

VII

Атака Гундольфа в 1911 г. была направлена не только на Кассирера, она должна была поразить еще одного человека – Макса Вебера. Поскольку незадолго до этого, в 1904 г., Макс Вебер также размышлял о проблеме научного образования понятий – в своей статье об «“Объективности” социально-научного и социально-политического познания»⁷⁷. И это было в первую очередь той темой, которая интересовала его методологически в рамках рассмотрения “объективности” познания культуры: “каковы логическая функция и структура понятий, которыми пользуется наша, как и любая другая, наука”⁷⁸.

Вебер разделял с Кассирером три фундаментальных установки: во-первых, отказ от “наивного”, но широко распространенного представления, что понятия суть воспроизведения или отражения некой внешней действительности; во-вторых, это ориентация на

критицизм Канта; и, в-третьих, убежденность в относительности (Relationalität) понятий. Отсюда проистекает центральная для Вебера тема, а именно постоянное изменение понятий, – проблема, которая ведет к самой сути истории понятий. В соответствии с этими критериями Вебер формулирует в 1904 г. свое видение исторического познания и познания с точки зрения науки о культуре как “науку эмпирическую в нашем понимании”, как “познание действительности культуры”, как “науку о действительности”⁷⁹.

Понятия, как писал Вебер в 1904 г., являются ничем иным как “спасительными гаванями” (“Nothäfen”), которые помогают историку “сориентироваться в устрашающем море эмпирических данных”⁸⁰. Это, считает Вебер, сложное дело: постоянно принимаются попытки раз и навсегда установить “подлинный”, “истинный” смысл исторических понятий, но они, однако, никогда не доводятся до конца, поскольку “познание вовлечено в борьбу вокруг методов, основных понятий, предпосылок”, в “постоянную смену точек зрения и в постоянное определение заново понятий, которые применяются”.

История понятий, таким образом, глубочайшим образом обусловлена тем, что Вебер называл “историей проблем”⁸¹. Поскольку “образование понятий зависит от места, которое занимает в данной культуре рассматриваемая проблема, а оно может меняться вместе с содержанием самой культуры”⁸². Понятия, стало быть, находятся в постоянных изменениях. Соответственно, они по необходимости могут быть “относительными”, или “односторонними”. “Ведь ни одна из таких мысленных систем, без которых мы не можем обойтись, постигая какую-либо важную составную часть действительности, не может исчерпать ее бесконечного богатства. Все они являют собой не что иное, как попытку внести порядок на данном уровне нашего знания и имеющихся в нашем распоряжении понятийных образований в хаос тех фактов, которые мы включили в круг наших *интересов*”. И далее: “Мыслительный аппарат, который разработало прошлое посредством мысленной обработки, а в действительности путем мысленного *преобразования* непосредственно данной действительности и включения ее в понятия, соответствующие познанию и направлению интереса того времени, всегда противостоит тому, что мы можем и *хотим* извлечь из действительности с помощью нового познания. В этой борьбе совершается прогресс исследования в науках о культуре. Его результат – постоянно идущий про-

цесс преобразования тех понятий, посредством которых мы пытаемся постигнуть действительность”.

Избежать этого парадоксального напряжения, пишет Вебер, невозможно: “история наук о социальной жизни – это постоянное чередование попыток мысленно упорядочить факты посредством разработки понятий, разложить полученные в результате такого упорядочения образы посредством расширения и сдвига научного горизонта, и попытки образовать новые понятия на такой измененной основе”. И это – отнюдь не проявление какой-либо несостоятельности самой попытки создавать системы понятий. Ибо всякая наука, “в том числе и только описательная история, работает с помощью комплекса понятий своего времени”, поскольку она и не может иначе. В гораздо большей степени здесь находит выражение то обстоятельство, что, повторю еще раз, в “науках о человеческой культуре образование понятий зависит от места (...) рассматриваемой проблемы”, а место проблемы постоянно изменяется вместе с содержанием культуры. И что именно поэтому “в науках о культуре отношение между понятием и понятием таково, что синтез всегда носит преходящий характер”. Значение “попыток создать крупные понятийные конструкции”, без которых науки о культуре не могут существовать, состоит, таким образом, в том, что “они демонстрируют границы значения той точки зрения, которая лежит в их основе”.

Таково определение понятия и истории понятий Максом Вебером, по своему происхождению восходящее к Кант⁸³ и созданное на основе неснимаемого полярного противоречия: в науках о культуре нет познания без понятий, хотя эти понятия делают возможным всегда только ограниченные, фрагментарные, временные доступы к знанию, которое находится в постоянном изменении, и большего позволить не могут⁸⁴.

Историческая рефлексия о понятиях и имплицитированная в ней история понятий являются тем самым для Макса Вебера одной из основ всякого научного или исторического познания – обстоятельство, в релевантности которого, правда, “основная масса исследователей исторической школы”⁸⁵ до сих пор еще не убеждена, как иронически замечает Вебер. У них “прочно коренится в мышлении” как раз совершенно иное представление о познании: «предполагается, что понятия должны быть *отражениями* “объективной” действительности, своего рода представлениями о ней»⁸⁶. Но для того, пишет Вебер далее, “кто до конца продумает основную идею восходящей к Канту современной теории позна-

ния, согласно которой понятия суть и только и могут быть мысленными средствами для духовного господства над эмпирической данностью (...) отношение между понятием и историческим изучением станет обратным вышеназванному”: понятия – не *цель*, а в большей степени “*средства* достижения цели, которая является собой познание значимых под индивидуальным углом зрения связей”, или, согласно другой формулировке Вебера, для познания того, что в каждом случае представляется важным.

VIII

За одно поколение до того как в 1904 г. Макс Вебер опубликовал свой анализ проблемы понятий, принципиальный спор вокруг истории понятий уже имел место в немецкой юриспруденции. Здесь в начале 1880-х годов эту проблему поставил историк права Отто Гирке (1841–1921). Макс Веберу, юристу по образованию, эта дискуссия была, разумеется, известна.

В рамках данной работы невозможно даже лишь в основных чертах охарактеризовать содержание всего необъятного творческого наследия Отто Гирке⁸⁷: ни знаменитой “Истории германского кооперативного права” (“*Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft*”, 1868), ни фундаментальной критики германского гражданского кодекса 1887 г., наиболее последовательно сформулированной Гирке в трехтомнике “Германское частное право” (“*Deutsches Privatrecht*”, начиная с 1895 г.) и в его докладе “Социальная задача частного права” (“*Die soziale Aufgabe des Privatrechts*”, 1889). Здесь речь пойдет только о третьем направлении в работах Отто Гирке – о предпринятом им анализе современного государственного права. Гирке вводит его в контекст своей критики трехтомной работы Пауля Лабанда (1838–1918) “Государственное право Германской империи” (“*Das Staatsrecht des Deutschen Reiches*”, 1876–1882). Это главное сочинение Лабанда, в котором тот давал обоснование науке о праве (*Rechtswissenschaft*), а право понималось им как имперское государственное право в том виде, как оно отразилось в государственном устройстве империи 1871 г. Лабанд считался “крупным авторитетом в области имперского государственного права”, он был “прямо-таки официальной фигурой, памятником государственно-правовой самоуверенности империи”⁸⁸.

Согласно политическим убеждениям Лабанда, бисмарковская империя являла собой окончательную форму германской государственности. На этом основывался его основной тезис юриспру-

денции, а именно: все право исходит от государства и это право должно быть сформулировано в однозначных всеобщих понятиях, из которых можно вывести все остальное.

Со всем этим Гирке был не согласен. И поэтому в 1883 г. в своей статье “Государственное право Лабанда и германская наука о праве” (“Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft”)⁸⁹ он с большой решимостью дал отповедь основной мысли Лабанда, будто бы “государственное право является не чем иным, как правом [в чистом виде]” – “das Staatsrecht Recht und nichts als Recht ist”. В своей “Истории германского кооперативного права” Гирке обосновал значение в истории особого группового права (“gewillkürtes Recht”). Оно вырабатывалось на основе взаимного согласия членов группы, а значит было автономно установленным – “уставным” (Макс Вебер) – правом ассоциаций, гильдий, цехов, коммун. Так Гирке выступил против всякого рода изоляции права от всей совокупности условий жизни. Поэтому тезису Лабанда он противопоставил свой вопрос об истоках права и его воздействии, т.е. переключил внимание на стоящие за правовыми установлениями исторически сложившиеся и культурно опосредованные ценностные установки. Гирке рассматривал право как исторический продукт совместной жизни людей, как часть процесса культурного развития, которое находится в постоянном изменении. На этой основе он сформулировал свои аргументы против разработанной Паулем Лабандом науки о праве, концентрирующейся на понятиях, и именно в связи с этими аргументами – собственное видение истории понятий⁹⁰.

Хотя, как писал Гирке, “существенная часть всей юридической умственной деятельности состоит в логическом выведении понятий из понятий”, “материал” здесь составляют, однако, “не константные математические понятия величин, а более или менее свободно образованные понятия отношений”, следовательно, относительные (relationale), т.е. пребывающие в культурных связях, понятия. “В зависимости от выбранной точки зрения они так или иначе могут быть выведены из бесконечной полноты изменяющихся условий жизни”, – писал Гирке в 1883 г. Как и все право в целом, понятия из области права обусловлены культурно и, следовательно, исторически. Поэтому формальная логика “здесь, как и везде, не только не способна производить субстанциональные фундаментальные понятия, но и абсолютно недостаточна, чтобы контролировать адекватность образованных понятий и их развитие”. Иными словами, “внутренняя логичность” “ряда юридиче-

ских понятий еще не дает никакой гарантии его согласованности с требованиями правового сознания и правовой жизни”. Это значит, что также и современные, в себе логически полностью когерентные, юридические понятия со своей стороны глубочайшим образом обусловлены исторически, и с этим также нужно считаться и в юридической практике, и в законодательстве. “Заблуждение, – пишет Гирке в другом месте⁹¹, – будто бы посредством логического абстрагирования от фактов можно достичь безошибочной и веской системы понятий, опровергается всяким историческим рассмотрением [правовой] догмы (dogmengeschichtliche Betrachtung)”, ибо всякое историческое рассмотрение догмы со своей стороны указывает не на что иное, как на историчность (Historizität) права.

Именно отсюда Гирке уже в 1883 г. выводит основную проблему истории понятий в сегодняшнем смысле. Если правовые понятия являются образованиями не чисто логическими, а в большей степени историческими, не “созданными”, а “ставшими”, и если “образование правовых понятий обусловлено общественными порядками, материальными и духовными условиями культуры и само оказывает на них ответное влияние”, то это приводит к осознанию неоднозначности соотношения (Spannungsverhältnis) между современными понятиями и правовыми понятиями прошлого⁹². Потому является “грубой ошибкой”, полагает Гирке, когда “при историческом описании древних германских правовых порядков оперируют современными понятийными противопоставлениями как реальными величинами”. С другой стороны – и эта “другая сторона” является важной – отсюда, однако, ни в коем случае не следует, “что мы обязаны или хотя бы вправе при исследовании правовых образований прошлого вообще воздерживаться от применения наших сегодняшних понятий”. Таким образом, даже побег в мнимую неоспоримость какого-нибудь так называемого “языка источников” тоже не решает проблему⁹³, решающей будет, скорее, рефлексия об исторической обусловленности применяемых понятий. “Достаточно, – пишет Гирке, – постоянно осознавать несовпадение (Inkongruenz) и остерегаться прежде всего того, чтобы привносить современные понятия, применимые как научные вспомогательные средства, в сам мир старого права”.

Следует добавить, что причиной дискуссии между Отто Гирке и Паулем Лабандом были не только политические, политико-правовые и научные, юридические, разногласия. Она происхо-

дила на фоне того, что можно обозначить как историю проблем (*problemgeschichtlichen Hintergrund*): это проблема историзма, которая тогда глубочайшим образом начинает волновать весь научный мир в Германии (и не только в Германии)⁹⁴. Поскольку именно на 1880-е годы приходится начало больших дискуссий об историзме, сначала в экономической науке (*Nationalökonomie*), затем в науке о праве и в теологии.

В экономической науке в 1883–1884 гг. имела место известная и по сей день еще много обсуждаемая полемика между Карлом Менгером и Густавом Шмоллером по вопросу об эпистемологических основах, условиях и целях научно обоснованной экономической теории (*wissenschaftliche Nationalökonomie*) и по вопросу о значении в ней исторического познания⁹⁵. В конце 1880-х годов последовал спор об историзме у юристов – между Рудольфом Штаммлером и Эрнстом Иммануилом Беккером, причем разногласия между ними соответствовали разногласиям между Шмоллером и Менгером: Штаммлер ратовал за то, чтобы учитывать исключительно нормативные аспекты права, Беккер, напротив, требовал внимания к историческим формам его проявления. В то время как Беккер настаивал на основополагающем историческом становлении всякого права, Штаммлер – на обусловленности права одним только человеческим разумом, поэтому для него познание рационального права состояло в чисто априорном познании⁹⁵. Аналогичным образом и одновременно со спором об историзме между Менгером и Шмоллером разворачивалась дискуссия между Гирке и Лабандом об абсолютной значимости или историчности понятий.

IX

Протест Гирке, направленный против лишенной историчности, концентрирующейся на понятиях юриспруденции Лабанда и в поддержку истории понятий, был отставлен без внимания. Для этого имелись политические причины. Размышления Макса Вебера об историчности понятий два десятилетия спустя не нашли отклика – в отличие от противоположных им и между собою тоже противоположных позиций ранкеанцев и ницшеанцев. Тем самым были упущены вот уже два шанса для развития истории понятий. Последующие дискуссии между ницшеанцами (такими, как Фридрих Гундольф и Мартин Хайдеггер) и кантианцами (в лице Георга Зиммеля⁹⁷, Макса Вебера и Эрнста Кассирера) достигли наивысшего накала в давосской дискуссии 1929 г. и закончились

фатально – после “захвата власти” национал-социалистами в 1933 г., который не только привел к быстрой эмиграции Эрнста Кассирера⁹⁸ и Карла Маннгейма, но и был использован такими ницшеанцами, как Шмитт и Хайдеггер, для того, чтобы окончательно избавиться от своих оппонентов-кантианцев⁹⁹.

В то же время введенные кантианцами понятия и поставленные ими вопросы были присвоены и использованы их противниками-ницшеанцами, правда, для них предусматривались новое содержание и новые ответы. Это касается и самого понятия “ревизия понятий” (“Revision der Begriffe”), которое, как было показано выше, ввел Карл Маннгейм уже в 1927 г. в полемике с Карлом Шмиттом. Другой пример такого же процесса: понятие познания в науке о культуре как в “науке о действительности” (“Wirklichkeitswissenschaft”)¹⁰⁰, рассматриваемое Максом Вебером в его работе “Объективность социально-научного и социально-политического познания” 1904 г., социолог Ханс Фрайер в 1930 г. перенял в своей книге “Социология как наука о действительности” (“Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft”). Однако Фрайер дал определение этому понятию в совсем ином, ницшеанском, смысле: “истинная воля обосновывает истинное познание”¹⁰¹. “Историзм” как воплощение историчности всего, что существует, был объявлен пройденным этапом, ведь теперь уже имелись новые, абсолютные понятия, которые, как предполагалось, раз и навсегда соответствовали “подлинной действительности”. Больше не надо было ставить вопрос об условиях возможности познания “действительного”¹⁰². Это было сведение всего общего к “конкретному”¹⁰³.

В итоге постановка проблемы истории понятий, хотя и пропагандировалась ницшеанцами, в то же время была, что называется, спущена на тормозах и поэтому у Шмитта в 1934 и у Бруннера в 1937–1939 гг. являла собой не что иное, как не доведенную до конца, половинчатую “историю понятий”. История понятий была превращена в инструмент и тем самым уничтожена, ее использовали лишь для того, чтобы ввести определенные понятия, которые должны были получить абсолютную значимость с этого момента и на все будущие времена: “конкретный порядок”, например, или “народ”, с его “связанными с землей и кровью силами” (М. Хайдеггер), “раса”.

В такое развитие событий вполне вписывается и то обстоятельство, что после 1945 г. в процессе осмысления истории науки эта утрата кантианских позиций, судя по всему, вообще не была

замечена, не говоря уже о том, чтобы о ней выразалось сожаление. Тот факт, что голоса кантианцев смолкли, после 1945 г. никем, очевидно, как потеря не воспринимался. Более того, он рассматривался даже как оправданный: так, Ханс Георг Гадамер уже осенью 1945 г., указывая на якобы осуществленное кантианцами, такими, как Макс Вебер, разрушение ценностей (как на одну из причин национал-социализма)¹⁰⁴, писал, что “захват власти” национал-социализмом нужно внести в счет изгнанным национал-социалистами кантианцам¹⁰⁵. Это означает также, что полемика против кантианцев, имевшая место до 1933 г., после 1945 г. просто была продолжена и по тем же самым причинам, тем более что “долговой счет” (“Schuldkonto”) кантианцев якобы существенно возрос. Тем самым “просеки” в науке, образовавшиеся вследствие “захвата власти” в 1933 г. и устранения кантианцев, после 1945 г. могли быть “засажены” заново и по-другому. То, что представители истории понятий в философии до сего дня не осмыслили эти процессы, бросается в глаза: ведь Иоахим Риттер в молодости был участником давосского диспута 1929 г., он был учеником Кассирера и еще в начале 1933 г. защитил у своего учителя докторскую диссертацию¹⁰⁶. Однако в генезисе инспирированной им после 1945 г. в среде философов истории понятий рефлексия Кассирера о понятиях и их историчности, имевшая место уже в начале столетия, не сыграла никакой роли. Здесь можно констатировать наличие своеобразных амнезии и деконтекстуализации.

Именно они наносят вред современной истории понятий, поскольку та, предавая забвению свое происхождение и всю историю проблемы, в которую уходит корнями, не достигает заявленных ею же самой целей. Также и тезис об “обусловленности временем”, от которой якобы следует отделять “научную субстанцию”, не только является эвфемизмом, но и ущербен с точки зрения эпистемологии и истории науки – именно потому, что покоится на грубой деконтекстуализации. Он препятствует развитию такой истории понятий, которая по-настоящему и всесторонне была бы способна проследить “сложные опосредования между словами, понятиями и историческими процессами”, составляющие “сущность ее исследовательского интереса”¹⁰⁷, и потому препятствует возможному вкладу этого направления в историю научной мысли и фундаментальных проблем научного познания – диахронически глубокому и сделанному в широкой сравнительной перспективе.

Вместо этого возникла та неполная картина происхождения истории понятий, которая разрабатывалась, как было упомяну-

то в начале, в Collegium Philosophicum мюнстерского университета под руководством Иоахима Риттера. Пик ее развития пришелся на период с середины 1950-х до середины 1960-х годов. И именно здесь снова ожили – отнюдь не неожиданно – трактовки (Interpretamente) многократно упоминавшегося здесь Карла Шмитта¹⁰⁸.

Шмитт, который после 1945 г. отступил в “безопасность молчания” (“Sicherheit des Schweigens”, Дирк Ван Лаак), в 1957 г. был приглашен с докладом в Мюнстер¹⁰⁹. Воздействие его мысли здесь, как и в других местах, прослеживается в высшей степени отчетливо¹¹⁰. Также и в Гейдельберге, где по инициативе историков Вернера Конце и Райнхарта Козеллека возник большой проект по истории понятий “Geschichtliche Grundbegriffe”, Карл Шмитт принадлежал к числу “концептуальных наставников”¹¹¹. Имя Эрнста Кассирера не упоминалось, разумеется, ни в Мюнстере, ни в Гейдельберге, высказанные им уже в начале XX в. суждения о понятиях и их историчности были отмечены или просто преданы забвению, что можно сказать также и о рефлексии в этом направлении Макса Вебера в 1904 г. или Отто фон Гирке в 1883 г.

Х

Всеобъемлющая, проникающая в диахроническую глубину ре-контекстуализация происхождения истории понятий, разумеется, не приведет к ее “концу”, провозглашенному в странном и несколько провокационном заявлении Х.У. Гумбрехта, – наоборот. Более того: в отношении “борьбы парадигм” до 1933 г., ее исхода, предрешенного так называемым захватом власти в 1933, и определенных событий в науке после 1945 г.¹¹², истории понятий придется осмыслить неудобные вопросы. Например, вопрос о возможных путях развития интеллектуальной жизни в Федеративной Республике Германии после 1945 г. Что случилось бы, если бы таким эффективным генератором идей в гуманитарных науках в ФРГ стал не Карл Шмитт (хотя эта его роль признается не всеми¹¹³) – в “безопасности молчания”, а скорее Эрнст Кассирер – изгнанный в 1933, после 1945 г. забытый и тем самым повторно изгнанный?

¹ Ср.: Schorn-Schütte L. Historische Politikforschung. Eine Einführung. München, 2006. S. 53 ff.; 67 ff. Об “истории понятий” см: Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte / Hg. von H. E. Bödeker. Göttingen, 2002. (Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft; 14); Koselleck R.

- Begriffsgeschichten. Frankfurt a. M., 2006. О контексте развития этих направлений см.: *Ecke J. Geist der Zeit. Deutsche Geschichtswissenschaften seit 1870.* Göttingen, 2008.
- ² *Gumbrecht H.U. Dimensionen und Grenzen der Begriffsgeschichte.* München, 2006. S. 7 ff.
- ³ *Ritter J. Vorwort // Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hg. von idem u.a.* Basel u.a., 1971. Bd. 1. S. I–X (S. VII). Сошлюсь также на высказывания Карл-Фрида Грюндера из его введения к шестому тому (*Ibid.* 1984. Bd. 6. S. VIII–IX).
- ⁴ *Brunner, Otto // Historikerlexikon. Von der Antike bis zur Gegenwart / Hg. von R. vom Bruch, R. A. 2. Aufl. Müller.* München, 2002. S. 40.
- ⁵ *Brunner O. Politik und Wirtschaft in den deutschen Territorien des Mittelalters: Vortrag, gehalten auf dem 19. Deutschen Historikertag in Erfurt am 6. Juli 1937 // Vergangenheit und Gegenwart. Zeitschrift für Geschichtsunterricht und politische Erziehung.* 1937. Bd. 27. S. 404–422 (цитаты S. 421). Ср. также: *Idem. Moderner Verfassungsbegriff und mittelalterliche Verfassungsgeschichte // Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung.* 1939. Bd. XIV. (Ergänzungsband). S. 513–528.
- ⁶ Критикуемая Бруннером “внутренняя расщепленность (innere Gespaltenheit) мира”, в которой он видит продукт так называемого разделяющего мышления (Trennungsdenken), – одно из проявлений “кризиса историзма” или одна из “проблем историзма” как специфического для эпохи Современности типа исторического мышления. “Разделяющее мышление” (о котором подробнее речь пойдет в следующем разделе) в политике и в академической науке, дающее о себе знать уже с середины XIX в., следует отнести к последствиям историзации знания, прежде всего в общественных науках, тогда концентрировавшихся на государстве. В конце столетия разрушение прежней “замкнутой” системы науки проявилось в том, что некогда единое “всеобщее учение о государстве” рассеивается в разных областях права (государственного, частного, корпоративного), в экономической науке, в теории сословий и в социологии. Государственное устройство и административное управление, право и юридическая практика, государство и общество перестают отождествляться и становятся отдельными предметами научной рефлексии. “Разделяющее мышление” можно охарактеризовать как (условно) два этапа мышления: (1) логическая мыслительная операция “отделения предмета”, в результате которой достигается автономия члена “учения”; (2) в ходе второго этапа “эмансипированный член” стремится к суверенитету и самолегитимации. Поэтому “разделяющему мышлению” свойственно антагонистическое понимание государства и общества, государства и права, государства и корпорации (товарищества), государства и экономики, государства и личности. Уже с конца XIX в. и тем более после падения бисмарковской империи у критиков “разделяющего мышления” (Э.Р. Хубер, К. Шмитт, Э. Форстхофф) оно стало прочно ассоциироваться с политическим либерализмом, от которого ожидалось уже не “чисто теоретическое”, логическое познание, а скрытое волевое решение изменить политический порядок в сторону “правового государства”, “прав личности” и т.п., провоцирование общества против государства. Ратуя за преодоление “разделяющего мышления”, они противопоставляли ему идею “тотального государства” (“totaler Staat”). См., например: *Bleek W. Geschichte der Politikwissenschaft in Deutschland.* München, 2002. S. 243–245 (*примеч. пер.*).

- ⁷ Brunner O. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Österreichs im Mittelalter. 5. Aufl. Wien, 1965. S. 163.
- ⁸ Ibid. S. 63.
- ⁹ См. выше примеч. 5.
- ¹⁰ О Карле Шмитте см.: Rütters B. Carl Schmitt im Dritten Reich. Wissenschaft als Zeitgeist-Verstärkung. München, 1989; Groß R. Carl Schmitt und die Juden. Frankfurt a. M., 2000; Blasius D. Carl Schmitt. Preußischer Staatsrat in Hitlers Reich. Göttingen, 2001; Niethammer L. Die polemische Anstrengung des Begriffs. Über die exemplarische Faszination Carl Schmitts // Nationalsozialismus in den Kulturwissenschaften / Hg. von H. Lehmann, O.G. Oexle. Göttingen, 2004. Bd. 2: Leitbegriffe – Deutungsmuster – Paradigmenkämpfe. Erfahrungen und Transformationen im Exil. S. 41–82. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; 211).
- ¹¹ Volksgemeinschaft (букв. “народная общность”) – возникшее на основе националистической, расовой идеологии понятие, формирующее универсальную идентичность “кровной” принадлежности к “народу” (Volk, отсюда – völkisch, “народный”, “национальный”) без различий в происхождении, образовании, профессии, состоянии. В этом смысле оно противопоставлено понятию “общество” (Gesellschaft), в основе которого лежит просветительское представление о взаимовыгодном сообществе, базирующемся на универсальных человеческих ценностях и сотрудничестве для общего блага его разных членов. Сторонники либерализма рассматривали “общество” как главный конституирующий фактор эпохи Современности (Moderne), залог ее плюрализма. Именно такой, плюралистической, Современности национал-социализм противопоставил свою, основанную на “единстве”, Современность (у Эксле – “антисовременную Современность”) с “новыми” и “вечными” ценностями – “народ”, “народная общность”, “раса”. Понятие “народная (национальная) общность”, вошедшее в употребление еще во времена Первой мировой войны для обозначения “народного” (völkisch) солидарного сообщества фронтовиков, было подхвачено национал-социалистической пропагандой, представлявшей Volksgemeinschaft как средство решения всех политических и социальных противоречий Веймарской республики (примеч. пер.).
- ¹² Brunner O. Moderner Verfassungsbegriff... S. 517.
- ¹³ Lepsius O. Die gegensatzaufhebende Begriffsbildung. Methodenentwicklungen in der Weimarer Republik und ihr Verhältnis zur Ideologisierung der Rechtswissenschaft im Nationalsozialismus. München, 1994.
- ¹⁴ Koselleck R. Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte // Sozialgeschichte in Deutschland: Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang Hg. von W. Schieder, V. Sellin. Göttingen, 1986. Bd. 1. S. 89–109 (S. 109).
- ¹⁵ Algazi G. Otto Brunner – “Konkrete Ordnung” und Sprache der Zeit // Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945 / Hg. von P. Schöttler. 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1999. S. 166–203.
- ¹⁶ Ibidem. S. 166.
- ¹⁷ Schmitt C. Nationalsozialistisches Rechtsdenken // Deutsches Recht: Zentral-Organ des Bundes Nationalsozialistischer Deutscher Juristen. Bd. 4, Nr. 10 (25.5. 1934). S. 225–229.
- ¹⁸ О понятии “мышления [в категориях] конкретного порядка” у К. Шмитта см.: Lepsius O. Die gegensatzaufhebende Begriffsbildung... S. 205 ff.; Niethammer L. Op. cit. passim.

- ¹⁹ Об уничтожении после 1933 г. понятий субъекта права и субъективных прав индивида, теоретическое обоснование для которого сформулировали талантливые молодые юристы К. Ларенц и Р. Виакер, см.: *Oexle O.G.* Das Mittelalter und das Unbehagen an der Moderne: Mittelalterbeschwörungen in der Weimarer Republik und danach // *Idem.* Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus. Göttingen, 1996. S. 137–162. (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Bd. 116).
- ²⁰ *Algazi G.* Otto Brunner... S. 171.
- ²¹ *Brunner O.* Politik und Wirtschaft... S. 413; *Idem.* Land und Herrschaft. Badem bei Wien u.a., 1939, S. 506. (К таким социальным образованиям – “конкретным порядкам” – Бруннер относит, например, “дом”, “род”, “семью”, “общину” (примеч. пер.).)
- ²² См. примеч. 6.
- ²³ *Brunner O.* Land und Herrschaft. 2. Aufl. Brunn, München, Wien, 1942. S. 496.
- ²⁴ *Schmitt K.* Nationalsozialistisches Rechtsdenken. S. 225. Под “литанией” здесь у Шмитта следует понимать “длинный перечень” (примеч. пер.). Об интерпретации Шмиттом эпохи Современности см.: *Villinger I.* Carl Schmitts Kulturkritik der Moderne: Texte, Kommentar und Analyse der “Schattenrisse” des Johannes Negelinus. Berlin, 1995; *Groh R.* Arbeit an der Heillosigkeit der Welt: Zur politisch-theologischen Mythologie und Anthropologie Carl Schmitts. Frankfurt a. M., 1998.
- ²⁵ *Schmitt K.* Nationalsozialistisches Rechtsdenken. S. 229.
- ²⁶ *Bloch M.* Mélanges historiques. P., 1963. Bd. 1. P. 16–40 (P. 39). (Эта работа опубликована также и в “Одиссее”: *Блок М.* К сравнительной истории европейских обществ / Пер. И.К. Стафф // *Одиссей: Человек в истории.* М., 2001. С. 65–93 (примеч. пер.).)
- ²⁷ *Oexle O.G.* Marc Bloch et l’histoire comparée de l’histoire // *Marc Bloch, l’historien et la cité / Éd. par P. Deyon, J.-C. Richez, L. Strauss.* Strasbourg, 1997. P. 57–67. (Collection de la Maison des Sciences de l’Homme de Strasbourg 22).
- ²⁸ *Durkheim É.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. 6 ed. P., 1979 (1-е изд. – 1912). P. 26 ss.; *Idem.* Die elementaren Formen des religiösen Lebens. Frankfurt a. M., 1981. S. 41 f.
- ²⁹ Цит. по: *Laube R.* Karl Mannheim und die Krise des Historismus. Historismus als wissenssoziologischer Perspektivismus. Göttingen, 2004. S. 452. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; Bd. 196). По поводу критики Маннгеймом “конкретного” см.: *Ibid.* S. 453.
- ³⁰ *Ibid.* S. 444 ff. (цитата с. 445).
- ³¹ *Ibid.* S. 299.
- ³² *Ibid.* S. 385 ff.
- ³³ Das Problem der Problemgeschichte 1880–1932 / Hg. von O.G. Oexle. Göttingen, 2001. (Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft; Bd. 12).
- ³⁴ *Oexle O.G.* Von der völkischen Geschichte zur modernen Sozialgeschichte / Geschichtswissenschaft um 1950 / Hg. von H. Duchhardt, G. May. Mainz; 2002. S. 1–36 (S. 5 f.). (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz; Beiheft 56)
- ³⁵ Эти фундаментальные различия также находят свое выражение в критике кантианцами Ницше. Ср.: *Germer A.* Wissenschaft und Leben. Max Webers Antwort auf eine Frage Friedrich Nietzsches. Göttingen, 1994. (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft; 105).

- ³⁶ Raulff U. Ein Historiker im 20. Jahrhundert: Marc Bloch. Frankfurt a. M., 1995. S. 184 ff.
- ³⁷ Kant I. Kritik der reinen Vernunft / Hg. Von R. Schmidt. Hamburg, 1990. S. B XIII.
- ³⁸ О “борьбе парадигм” см.: Laube R. Karl Mannheim und die Krise des Historismus...; *Idem*. Zwischen Budapester und Berliner Historismus. Eine Pathologie der “Krise des Historismus” aus der Sicht eines ungarischen Emigranten // Krise des Historismus / Hg. von O.G. Oexle. S. 207–246. О так называемом неокантианстве см.: Sieg U. “Deutsche Wissenschaft” und Neukantianismus: Die Geschichte einer Diffamierung // Nationalsozialismus in den Kulturwissenschaften. Bd. 2: Leitbegriffe – Deutungsmuster – Paradigmenkämpfe. Erfahrungen und Transformationen im Exil / Hg. von H. Lehmann, O.G. Oexle. Göttingen, 2004. S. 199–222. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte: Bd. 211).
- ³⁹ О “полюемическом заряде” таких понятий у К. Шмитта см.: Niethammer L. Die polemische Anstrengung des Begriffs...
- ⁴⁰ Cp: Sieg U. Deutschlands Prophet. Paul de Lagarde und die Ursprünge des modernen Antisemitismus. München, 2007.
- ⁴¹ Aschheim S.E. Nietzsche und die Deutschen. Karriere eines Kults. Stuttgart; Weimar, 1996. Cp. также: Galindo M.Z. Triumph des Willens zur Macht. Zur Nietzsche-Rezeption im NS-Staat. Hamburg, 1995; Dietrich C., Erbsmehl H. Klingers Nietzsche: Wandlungen eines Porträts 1902–1914. Ein Beitrag zur Kunstgeschichte des “neuen Weimar”. Jena, 2004.
- ⁴² Aschheim S.E. Nietzsche und die Deutschen... S. 251 f.
- ⁴³ Cp: Cassirer E. Die Idee der republikanischen Verfassung: Rede zur Verfassungsfeier am 11. August 1928. Hamburg, 1929. Кроме того, будучи ректором Гамбургского университета (1929/30), Кассирер, несмотря на сопротивление части академического сообщества, сумел организовать академическое празднование принятой 11 августа 1919 г. конституции Веймарской республики также и в 1930 г. (22 июля), где произнес речь, посвященную проблеме изменения осмысления государства и теории государственной власти в истории Германии (“Wandlungen der Staatsgesinnung und der Staatstheorie in der deutschen Geschichte”). Текст речи опубликован: Bottin A. Enge Zeit. Spuren Vertriebener und Verfolgter der Hamburger Universität. Berlin, Hamburg, 1992. S. 161–169.
- ⁴⁴ См. об этом: Schnädelbach H. Kant – der Philosoph der Moderne / *Idem*. Philosophie in der modernen Kultur: Vorträge und Abhandlungen 3. Frankfurt a. M., 2000. S. 28–42.
- ⁴⁵ См. ниже в разделе V.
- ⁴⁶ Heidegger M. Sein und Zeit. 15. Aufl. Tübingen, 1984. S. 392 ff. (§ 76). (Рус. пер. см.: Хайдеггер М. Бытие и Время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1997. Поскольку философский “мысль-язык” этого перевода сам нуждается в комментариях, я предпочла дать собственный перевод цитируемых Эксле фрагментов (примеч. пер.).
- ⁴⁷ Об этом подробнее: Oexle O.G. Von Nietzsche zu Max Weber: Wertproblem und Objektivitätsforderung der Wissenschaft im Zeichen des Historismus // *Idem*. Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus... S. 73–94 (особенно с. 75 и сл.).
- ⁴⁸ Об истории понятия “историзм” (Historismus) см.: Oexle O.G. Die Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus. Bemerkungen zum Standort der Geschichtsforschung (1984) / *Idem*. Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus... S. 17–40; *Idem*. “Historismus”: Überlegungen zur Geschichte des

Phänomens und des Begriffs (1986) / Ibid. S. 41–72; Idem. Krise des Historismus – Krise der Wirklichkeit. Eine Problemgeschichte der Moderne // Krise des Historismus – Krise der Wirklichkeit. Wissenschaft, Kunst und Literatur 1880–1932 / Hg. von O.G. Oexle. Göttingen, 2007. S. 11–116. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; Bd. 228).

⁴⁹ Heidegger M. Sein und Zeit. S. 396; 392 ff.

⁵⁰ Здесь под “Historizität” следует понимать историческую обусловленность и, соответственно, изменчивость всего, что существует, а значит – относительность содержания мышления, в том числе и всего исторического знания (Historie). Экзистенциальная историчность (Geschichtlichkeit) у Хайдеггера (§ 74), напротив, не имеет отношения к Historie как науке об истории (Geschichte). Это, скорее, характеристика бытия, которая задает условия для всего, что происходит исторически: Geschichtlichkeit – это общее формальное обозначение для временности (темпоральности) подлинного здесь-бытия (Dasein), которое всегда конкретно – “фактично” – и обнаруживает себя в определенной исторической, временной ситуации (экзистенциал “бытие-в-мире”). Здесь-бытие (Dasein) имеет свою “историю” (Geschichte), но та не протекает во времени, а как способ *быть* сама является временем, потому что, по мысли Хайдеггера, прошлое – это не то, что осталось позади, напротив, оно постоянно присутствует и определяет собой как настоящее, так и будущее. Исходя из этого наследия прошлого (Erbe), здесь-бытие (Dasein) *выбирает* ту или иную “возможность” бытия-в-мире, “выбирает себя”, проектирует свою жизнь: “возможность экзистирует в способности *быть*”. Сделанный “выбор возможности”, по Хайдеггеру, уже предопределяет то, что станет предметом истории (Historie), так элиминируется основная “проблема” историзма – относительность всякого познания (*примеч. пер.*).

⁵¹ Подробнее см.: Oexle O.G. “Wirklichkeit“ – “Krise der Wirklichkeit“ – “Neue Wirklichkeit“: Deutungsmuster und Paradigmenkämpfe in der deutschen Wissenschaft vor und nach 1933 // Die Rolle der Geisteswissenschaften im Dritten Reich 1933–1945 / Hg. von F.-R. Hausmann. München, 2002. S. 1–20 (S. 1). (Schriften des Historischen Kollegs; Kolloquien; 53).

⁵² Ibid. S. 1f.

⁵³ Heidegger M. Sein und Zeit. S. 396.

⁵⁴ Подробнее см.: Oexle O.G. “Wirklichkeit“ – “Krise der Wirklichkeit“ S. 4 ff.

⁵⁵ Подробнее см.: Oexle O.G. Krise des Historismus – Krise der Wirklichkeit... S. 107 ff.

⁵⁶ Подробнее см.: Laube R. Karl Mannheim und die Krise des Historismus... S. 527 ff.

⁵⁷ Oexle O.G. “Zusammenarbeit mit Baal“: Über die Mentalitäten deutscher Geisteswissenschaftler 1933 – und nach 1945 // Historische Anthropologie. 2000. № 8. S. 1–27 (S. 18 f.).

⁵⁸ Friedman M. Carnap – Cassirer – Heidegger. Geteilte Wege. Frankfurt a. M., 2004. S. 17 ff. О дискуссии в Давосе см. подробнее: Cassirer – Heidegger: 70 Jahre Davoser Disputation / Hg. von D. Kaegi, E. Rudolph. Hamburg, 2002. (Cassirer-Forschungen; 9). Gründer K. Cassirer und Heidegger in Davos 1929 // Über Ernst Cassirers Philosophie der symbolischen Formen / Hg. von H.-J. Braun u.a. Frankfurt a. M., 1988. S. 90–302.

⁵⁹ Gründer K. Cassirer und Heidegger... S. 298, 302.

⁶⁰ Ferrari M. Ernst Cassirer. Stationen einer philosophischen Biographie. Hamburg, 2003. S. 256 ff. (Cassirer-Forschungen; 11).

- ⁶¹ Ferrari M. Op. cit. S. 279; Подробнее о направлениях см. также: Friedman M. Carnap – Cassirer – Heidegger...
- ⁶² Подробнее о познании действительности у Кассирера см. Ferrari M. Op. cit.
- ⁶³ Cassirer E. Ziele und Wege der Wirklichkeitserkenntnis / Hg. von K.Ch. Köhnke, J.M. Krois. Hamburg. 1999. S. 83 ff. (Ernst Cassirer: Nachgelassene Manuskripte und Texte; Bd. 2).
- ⁶⁴ Cassirer E. Substanzbegriff und Funktionsbegriff: Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik. Darmstadt, 1980 (1. Aufl. B., 1910). (Рус. пер. данной работы (*Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции.* СПб., 1910–1913 (репр. СПб., 1996)) представляется изрядно устаревшим, поэтому цитируемые ниже фрагменты даны в моем переводе (*примеч. пер.*).
- ⁶⁵ Ibid. S. VI f. О теории понятия у Кассирера см.: Graeser A. Ernst Cassirer. München, 1994. S. 129 ff.; Meyer Th. Ernst Cassirer. Hamburg, 2006. S. 58 ff.; Hänel M. Begriff, Wissenschaft und Wirklichkeit: Ernst Cassirers „Begriffsreform“ und die “Krise der Wirklichkeit” // Krise des Historismus – Krise der Wirklichkeit... S. 295–311.
- ⁶⁶ Cassirer E. Substanzbegriff und Funktionsbegriff. S. 22.
- ⁶⁷ Ibid. S. 371.
- ⁶⁸ Ibid. S. 371 f.
- ⁶⁹ Cassirer E. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Darmstadt, 1974. Bd. I. (след. цитата с. 1–2).
- ⁷⁰ Karlauf Th. Stefan George: Die Entdeckung des Charismas: Biographie. München, 2007. S. 296.
- ⁷¹ Gundolf F. Wesen und Beziehung // Jahrbuch für die geistige Bewegung. 1911. Hf. 2. S. 10–35 (приведенная ниже цитата с. 11 и сл.).
- ⁷² Leibwerdung здесь следует понимать как “облечение плотью”, “во-площение” в богословском смысле (ср.: 1 Кор. 15:35 и сл.); Гундольф использует метафору разрушающегося организма под влиянием критики Современности Ф. Тённиесом (“Gemeinschaft und Gesellschaft”, 1887), который противопоставляет цельной средневековой “общности” (“Gemeinschaft”), где индивид включен в естественные и “органические” сообщества, атомизированное, распадающееся вследствие “механизированных” социальных связей современное “общество” (“Gesellschaft”). Соответственно, у Гундольфа гармоничное бытие “организма душевного мира” под воздействием историзации исторического знания и всего содержания мышления превращается в требующие эмпирического изучения (“демонстрации”) обездушенные научные “проблемы”, что ведет к дезориентации и духовному оскудению человека – к релятивированию и, следовательно, уничтожению идеалов и ценностей, то есть того, что Ницше называл “сущим” и “вечным”, тем самым, полагает Гундольф, происходит подмена живой, органичной “сущности” мертвым механистическим “отношением”. О концепции Гундольфа, Канторовича и др. членов кружка Георга см. также: Эксле О.Г. Немцы не в ладу с Современностью: “Император Фридрих II” Эрнста Канторовича в политической полемике времен Веймарской республики / пер. К. Левинсона // Одиссей: человек в истории. М., 1996. С. 213–235 (*примеч. пер.*).
- ⁷³ *Ens realissimum* – наиреальнейшая сущность, внутреннее содержание всей реальности; под “демонстрацией” понимается эксперимент как способ именно научного познания, противопоставляемого чувственному опыту (*примеч. пер.*).

- ⁷⁴ Ср. у Ницше: *Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra // *Idem.* Sämtliche Werke / Hg. von G. Colli, M. Montinari. 15. Aufl. 15 Bd. Berlin; München, 1993. Bd. 4: Zarathustras Vorrede. Kap. 5.
- ⁷⁵ *Nietzsche F.* Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben / *Ibid.* Bd. 4. S. 325–334 (особенно ч. 2).
- ⁷⁶ *Oexle O.G.* Das Mittelalter als Waffe. Ernst H. Kantorowicz’ “Kaiser Friedrich der Zweite” in den politischen Kontroversen der Weimarer Republik / *Idem.* Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus... S. 163–215 (особенно с. 198 и сл.).
- ⁷⁷ *Weber M.* Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher und sozialhistorischer Erkenntnis / *Idem.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 5 Aufl. Tübingen, 1982. S. 146–214. (Рус. пер. см.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 345–415. В целях сохранения важных для автора оттенков смысла высказываний Вебера перевод цитат, кроме специально оговоренных случаев, выполнен мною (*примеч. пер.*).
- ⁷⁸ *Ibid.* S. 185.
- ⁷⁹ *Ibid.* S. 170, 185, 192.
- ⁸⁰ *Ibid.* S. 206. След. цит. там же.
- ⁸¹ О веберовском понятии “история проблем” (“Problemgeschichte”) см. подробнее: *Oexle O.G.* Max Weber – Geschichte als Problemgeschichte // *Das Problem der Problemgeschichte ...* S. 9–37.
- ⁸² *Weber M.* “Objektivität”... S. 207 (Здесь цит. по русскому изданию: *Вебер М.* Избранные произведения. С. 406–407). След. цит. там же.
- ⁸³ Здесь Вебер находится еще и в традиции позднесредневекового “номинализма”, обоснованного Вильгельмом Оккамом. Масштабный анализ “номинализма” см.: *Mensching G.* Das Allgemeine und das Besondere. Der Ursprung des modernen Denkens im Mittelalter. Stuttgart, 1992; *Goldstein J.* Nominalismus und Moderne. Zur Konstitution neuzeitlicher Subjektivität bei Hans Blumenberg und Wilhelm von Ockham. Freiburg; München, 1998; *Flasch K.* Kampfplätze der Philosophie: Große Kontroversen von Augustin bis Voltaire. Frankfurt a. M., 2008. S. 193 ff.
- ⁸⁴ Противоположным примером могут послужить постоянно встречающиеся попытки некоторых историков зафиксировать значения исторических понятий раз и навсегда. Типичный случай см.: *Muhlack U.* Mittelalter und Humanismus – Eine Epochengrenze // *Geschichtsbilder im George-Kreis: Wege zur Wissenschaft* / Hg. von V. Schlieben u.a. Göttingen, 2004. S. 51–74. Особенно активно подобные усилия по окончательной фиксации значения предпринимаются в отношении понятия “историзм”, причем именно в том смысле, который вкладывался в это понятие Фридрихом Майнеке в его книге “Возникновение историзма” (“Die Entstehung des Historismus”, 1936); последнюю попытку такого рода см.: *Kraus H.-Ch.* Kultur, Bildung und Wissenschaft im 19. Jahrhundert. München, 2008. S. 12 f. (Enzyklopädie deutscher Geschichte; 82). При этом неизменно остается без внимания то обстоятельство, что понятие историзма у Майнеке является весьма проблематичным, что было установлено, среди прочих, уже Э. Трельчем и О. Хинтце после 1918 г., и что Майнеке – это всего лишь *один* голос в многоголосье имевших место прежде всего после 1918 г. оживленных дискуссий в науках о культуре (об этом см. также работы, указанные в примеч. 29, 48, 94). Далее см.: *Oexle O.G.* Meineckes Historismus. Über Kontext und Folgen einer Definition / *Idem.* Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus... S. 95–136; *Idem.* Troeltschs Dilemma // Ernst Troeltschs “Historismus” / Hg. von

- F.W. Graf. Gütersloh, 2000. S. 23–64. (Troeltsch-Studien; Bd. 11). Следовало бы задаться вопросами: (1) почему эти дискуссии – периода, последовавшего за 1918 г. – вытесняются из сознания; (2) почему после 1945 г. было де-историзировано и канонизировано понятие историзма в интерпретации именно Майнеке; (3) почему возобновленные с середины 1980-х годов интернациональные и интердисциплинарные дискуссии об “историзме” многими историками просто игнорируются; (4) и почему высказывания на тему “историзма”, прозвучавшие со стороны теологии, правоведения, социологии, литературы и литературоведения, искусства и искусствоведения, многими историками – явно принципиально – во внимание не принимаются.
- ⁸⁵ Ср. с примеч. 84.
- ⁸⁶ *Weber M.* “Objektivität”... S. 208 (*Weber M.* Избранные произведения... С. 408). След. цит. там же.
- ⁸⁷ *Oexle O.G.* Otto von Gierkes “Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft”: Ein Versuch wissenschaftsgeschichtlicher Rekapitulation // Deutsche Geschichtswissenschaft um 1900 / Hg. von N. Hammerstein. Stuttgart, 1988. S. 193–218.
- ⁸⁸ *Stolleis M.* Geschichte des Öffentlichen Rechts in Deutschland. München, 1992. Bd. II: “Staatsrechtslehre und Verwaltungswissenschaft 1800 – 1914”. S. 343.
- ⁸⁹ *Gierke O.v.* Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. 1883. N.F. 7. S. 1–99.
- ⁹⁰ Ibid. S. 10 ff. Приведенные далее цитаты там же.
- ⁹¹ Цит. по: *Oexle O.G.* Otto von Gierkes “Rechtsgeschichte”... S. 205. (Здесь имеется в виду правовая догма как формально-логическое истолкование действующего права (*примеч. пер.*))
- ⁹² Это цитата из рецензии Гирке на книгу: *Sander P.* Feudalstaat und bürgerliche Verfassung. В., 1906 (цит. по: *Oexle O.G.* Otto von Gierkes “Rechtsgeschichte”... S. 205).
- ⁹³ Об этом тезисе подробнее см.: *Oexle O.G.* Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte: Anmerkungen zum Werk Otto Brunners // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1984. Bd. 71. S. 305–341 (S. 321 ff.).
- ⁹⁴ См. примеч. 48, а также: *Wittkau A.* Historismus. Zur Geschichte des Begriffs und des Problems. 2. Aufl. Göttingen, 1994.
- ⁹⁵ Ср.: *Wittkau A.* Historismus... S. 61 ff. О дискуссиях между Г. Шмоллером и К. Менгером см.: *Lavranu A.* Deskription, Kausalität und Teleologie: Zu Gustav Schmollers methodologischen und wissenschaftstheoretischen Positionen im Anschluss an den “Methodenstreit” // Krise des Historismus... S. 181–206.
- ⁹⁶ *Wittkau A.* Historismus... S. 80 ff.
- ⁹⁷ О попытке Г. Зиммеля связать философию Канта с темой историзма см.: *Oexle O.G.* Georg Simmels Philosophie der Geschichte, der Gesellschaft und der Kultur / Hg. von B. Schlieben u.a. Geschichtsbilder im George-Kreis. Wege zur Wissenschaft. Göttingen, 2004. S. 19–49.
- ⁹⁸ *Cassirer T.* Mein Leben mit Ernst Cassirer. Hamburg, 2003. S. 194 ff.
- ⁹⁹ Об этом подробно см.: *Oexle O.G.* “Zusammenarbeit mit Baal”... S. 3. Об очерняющей К.Маннгейма статье К.Шмитта “Немецкие интеллектуалы” (“Westdeutscher Beobachter” от 31 мая 1933), названной Р. Лаубе “циничным некрологом”, см.: *Laube R.* Karl Mannheim und die Krise des Historismus... S. 539 f. О статье К. Шмитта “Немецкая юриспруденция в борьбе против ев-

- рейского духа” (1936), “необычайно подстрекательской даже для Шмитта” (М.Т. Фёген), направленной против кантианца Ханса Кельсена и против, как выразился сам Шмитт, “для нас, немцев, непостижимой жестокости и наглости” “венской школы еврея Кельсена”, см.: *Fögen M.Th. Das Lied vom Gesetz. München, 2007. S. 75* (также примеч. 158 в этой работе).
- ¹⁰⁰ См. выше раздел VII.
- ¹⁰¹ *Freyer H. Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft. Leipzig, B., 1930. S. 307.* О позиции Фрайера после 1931 г. см.: *Laube R. Karl Mannheim... S. 533 ff.*
- ¹⁰² О полемике историка Р. Виттрама против Ф. Майнеке см.: *Oexle O.G. Krise des Historismus... S. 107 f.*
- ¹⁰³ *Niethammer L. Die exemplarische Faszination Carl Schmitts... S. 67.* Потому так сближаются позиции К. Шмитта и Г. Лукача (*Ibidem. S. 58 f.*) и растет враждебность обоих по отношению к К. Маннгейму (Ср.: *Laube R. Karl Mannheim, S. 234 ff.*).
- ¹⁰⁴ Об этом см.: *Oexle O.G. “Zusammenarbeit mit Baal”... S. 23 f.*
- ¹⁰⁵ *Fögen M.Th. Das Lied vom Gesetz. S. 75* (также примеч. 159 в этой работе).
- ¹⁰⁶ См. подробный комментарий Тони Кассирер: *Cassirer T. Mein Leben mit Ernst Cassirer. S. 205.*
- ¹⁰⁷ Так определяет предмет современной истории понятий историк Х.Э. Бёдекер: *Bödeker H.E. Reflexionen über Begriffsgeschichte als Methode // Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte / Hg. von idem. Göttingen, 2002. S. 73–121 (S. 109).* (Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft; 14).
- ¹⁰⁸ *Laak D. van. Gespräche in der Sicherheit des Schweigens. Carl Schmitt in der politischen Geistesgeschichte der frühen Bundesrepublik. B., 1993. S. 192 ff.* О Collegium Philosophicum и той роли, которую сыграл в нем К. Шмитт, а также об истории возникновения исторического словаря философии “Historisches Wörterbuch der Philosophie” см.: там же с. 193 и сл. См. об этом также: *Rüthers B. Kontinuitäten: Zur Wirkungsgeschichte von Carl Schmitt in der Bundesrepublik Deutschland // Rechtshistorisches Journal. 1994. Bd. 13. S. 142–164.*
- ¹⁰⁹ *Laak D. van. Gespräche... S. 196.*
- ¹¹⁰ *Ibid. S. 222 ff.*
- ¹¹¹ *Niethammer L. Die exemplarische Faszination Carl Schmitts... S. 47 ff.*
- ¹¹² Подробнее см.: *Schlak S. Wilhelm Hennis. Szenen einer Ideengeschichte der Bundesrepublik. München, 2008. Passim.*
- ¹¹³ Здесь следует упомянуть курьезное предложение поставить Шмитту памятник, прозвучавшее в помпезной во всех отношениях статье Тимо Фраша “Должны ли мы воздвигнуть памятник Карлу Шмитту?” (*Frasch T. Sollen wir Carl Schmitt ein Denkmal setzen? // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 17.03.2007*) и подвергнутое резкой критике в ответной статье Бернда Рютерса “Памятник Карлу Шмитту” (*Rüthers B. Ein Denkmal für Carl Schmitt // Ibid. 24.03.2007*).

Пер. с нем. Ю. Арнаутвой